

ЗАРУБІЖНА ЛІТЕРАТУРА ТА ТЕОРІЯ ЛІТЕРАТУРИ

УДК 821.161.1–1 (О. Э. Мандельштам)

Казарин В. П.,
доктор филологических наук,
Новикова М. А.,
доктор филологических наук,
Таврический национальный университет
имени В. И. Вернадского,
Криштоф Е. Г.,
доктор филологических наук
(Симферополь)

СТИХОТВОРЕНИЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА “ЗОЛОТИСТОГО МЕДА СТРУЯ ИЗ БУТЫЛКИ ТЕКЛА...” (ОПЫТЫ РЕАЛЬНОГО КОММЕНТАРИЯ)

В августе 1917 года в Алуште О. Э. Мандельштам, побывав в гостях у Веры и Сергея Судейкиных, написал стихотворение, текст которого мы позволим себе напомнить читателю:

*Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
– Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, – и через плечо поглядела.*

*Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, – идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса – не поймешь, не ответишь.*

*После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.*

*Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке;
В каменистой Тавриде наука Эллады – и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.*

*Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, –
Не Елена – другая, – как долго она вышивала?*

*Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.*

В окончательном варианте стихотворение не имеет названия, но дважды (в 1918 и в 1922 годах) оно публиковалось под заглавием “Виноград” [10, 478].

И это не случайно, потому что “службами Бахуса” – культурой винограда и вина – пронизана вся образная структура стихотворения. С этой культурой, в частности, связана загадка, заключенная в первых же двух стихах произведения.

**I. Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго <...>.**

Здравый житейский смысл возражает против того, что написано в стихах 1 и 2 анализируемого нами стихотворения: мед не хранят в бутылках, потому что он засахаривается и его трудно будет из этой бутылки извлечь. Кто-то возразит, что это трудно, но возможно (можно, например, растопить мед, погрузив бутылку в теплую воду). Другие упрекнут нас в буквализме и скажут, что эти строки – просто поэтическая вольность. И те и другие будут не правы. Написанное в двух первых стихах имеет очень простое объяснение, опирающееся на специфические крымские реалии той далекой поры.

О. Э. Мандельштам и его гостеприимные хозяева [19, 39], будучи приезжими людьми в ориентальном Крыму, принимали за мед покупаемый ими у местных жителей бекмес – сгущенный виноградный сок, который действительно хранили в бутылках, потому что он не засахаривается. Чтобы получить бекмес, виноградный сок уваривали на медленном огне до четверти его первоначального объема. В результате получался густой, тягучий сироп “золотистого”, медового цвета, который можно было долго хранить в стеклянной посуде без дополнительной стерилизации. Иногда бекмес варили из груш или яблок. Из арбузного сока изготавливали другой тип сиропа – *нардек*. Бекмес и нардек являлись также основой для последующего изготовления спирта [5, 20].

Эта традиция сироповарения характерна в той или иной мере для всех стран средиземноморско-черноморского региона, перед которыми всегда стояла проблема сохранения и переработки обильных урожаев садов и виноградников. С депортацией крымских татар, а также армян, греков и болгар из Крыма в мае-июне 1944 года эта традиция на полуострове умерла. Что же касается, например, Турции или Грузии, то разлитые в бутылки бекмес и нардек читатель и сегодня может купить в магазинах Стамбула и Тбилиси. Знаменитая чурчхела тоже делается на основе бекмеса.

Вплоть до середины XX века бекмес заменял обитателям Крыма дорогой сахар, и его, разливая в розетки, подавали на стол к чаю. Именно этот момент запечатлел в своем стихотворении О. Э. Мандельштам (см. начало 9-го стиха: “**После чаю** мы вышли <...> (выделено нами – *Авт.*)”).

**II. <...> молвить хозяйка успела:
– Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скупаем, – и через плечо поглядела.**

О. Э. Мандельштам стал свидетелем этого эпизода на даче, где снимали комнату В. А. и С. Ю. Судейкины, которым и посвящено стихотворение. Это зафиксировано в автографе, вложенном в “Альбом” актрисы и художницы Веры Судейкиной [19, 51]. Автограф, с которого, несомненно, была осуществлена публикация стихотворения в Тифлисе в 1919 году [10, 478], содержит

посвящение “Вере Артуровне и Сергею Юрьевичу С.” и датировку “11 августа 1917. Алушта”. Кстати, издатель “Альбома” Джон Боулт ошибается, предлагая читать правильное “Артуровна” в посвящении как “Августовна” и выстраивая на этом основании целую концепцию [19, 39].

В августе 1917 года О. Э. Мандельштам гостил в Алуште в Профессорском уголке в дачном пансионе Е. П. Магденко, которая была женой видного петербургского филолога А. А. Смирнова. По предположению авторитетного алуштинского краеведа Л. Н. Поповой, здание пансиона сохранилось и является сегодня одним из корпусов санатория имени XXX-летия Октября [13, 74–75; 14, 124–130]. “В имении, – вспоминала позднее одна из постоялиц, – был главный дом, где она [Е. П. Магденко. – *Авт.*] жила с мужем [А. А. Смирновым. – *Авт.*], и целый ряд маленьких домиков. Она принимала на лето дачников” [18, 470].

В этом пансионе традиционно собирались летом яркие представители научной и культурной элиты столицы России, к которой О. Э. Мандельштам, конечно же, принадлежал. В числе постоянных гостей алуштинской дачи-пансиона можно назвать В. М. Жирмунского, К. В. Мочульского, А. Л. Слонимского, братьев Радловых – Сергея и Николая, А. М. Зельманову и В. А. Чудовского, С. Н. Андроникову и С. Л. Рафаловича, Н. В. Недоброво и В. И. Шухаева [10, 478; 2, т. 5, 54–55].

В Крыму волею обстоятельств (уже состоявшаяся Февральская революция, явно обозначившийся в России голод и первые проблемы в работе транспортной системы) собралось такое количество известных и ярких людей, что “скучать” действительно не приходилось. Многочисленные концерты, выставки, вернисажи, театральные представления, диспуты, презентации книг достаточно плотно заполняли течение дней.

Но то, что мучило всю эту приезжую крымскую элиту, называется не “скукой”, а совсем другим словом.

Голод отчетливо ощущался уже и в Крыму. В. А. Судейкина, рассказывая о визите поэта, писала в своих незаконченных воспоминаниях, что угостить его хозяева могли “только чаем и медом (! – *Авт.*)”, не было даже хлеба [18, 392].

В. А. и С. Ю. Судейкиных “судьба занесла” в “печальную Тавриду” в мае-июне 1917 года. Они прожили в разных городах Крыма (Алушта, Ялта, Мисхор) до апреля 1919 года, потом супруги морем отправились в Новороссийск, затем на Кавказ (Тифлис и Баку), откуда в мае 1920-го уплынут из Батума во Францию [19, 11].

Эта и многие другие судьбы вынужденных “крымских затворников” придавали не слишком радостный колорит “таврическому сидению” большого количества знаменитых людей. Это были не только деятели культуры, но также видные политики, военные и государственные деятели, университетские профессора, журналисты и издатели, крупные предприниматели.

История Тавриды – северной Эллады – с готовностью подсказывала всем этим событиям мифологическую параллель: вынужденное прибытие на землю

киммерийцев Одиссея, отчаявшегося добратся после падения Трои до родной земли. В традиции Гомера, называвшего эти места “печальной областью” [4, 136], О. Э. Мандельштам вкладывает в уста “хозяйки” определение “печальная Таврида”.

Несомненно “гомеровское” происхождение имеет и фраза “куда нас судьба занесла”. И Одиссей, и “крымские затворники” именно “занесены” судьбой в “область киммериян”: они жертвы глобального катаклизма, ход которого совершенно им неподвластен.

Одновременно и Одиссей, и “крымские затворники” надеются найти в Тавриде разгадку своего будущего. Герою Троянской войны это, как известно, удалось: он перед находившимся здесь входом в царство Аида принесет жертвы подземным богам и сможет узнать у явившегося ему прорицателя Тиресия, что его ждет. Стихотворение заканчивается рассказом о возвращении Одиссея домой. Будущее скитальцев новейшего времени пока скрыто в неизвестности.

Неизвестность мучает их, хотя они это и скрывают. “Хозяйка” настойчиво убеждает гостя, что “здесь <...> мы совсем не скучаем”. В воспоминаниях В. А. Судейкиной подробнее передано то настроение, которое она как “хозяйка” пыталась внушить, конечно же, не только О. Э. Мандельштаму, но и самой себе: “Белый двухэтажный дом с белыми колоннами, окруженный виноградниками, кипарисами и ароматами полей. Какое блаженство <...>. Здесь мы будем сельскими затворниками (! – *Авт.*), будем работать и днем дремать в тишине сельских гор. Так и было. Рай земной. Никого не знали и не хотели знать”. Их разговор с пришедшим к ним в гости поэтом “был оживленный, не политический (! – *Авт.*), а об искусстве, о литературе, о живописи” [18, 392].

О. Э. Мандельштам в эту благодать не поверил. Слишком страстно в эмоциональном отношении “набросились” на него во всех смыслах изголодавшиеся (и по еде, и по людям своего круга) обитатели алуштинской дачи: “Как рады мы были ему. <...> Мы наслаждались (! – *Авт.*) его визитом” [18, 392]. Какая сверхэкспрессивная оценка встречи: не “получали удовольствие” или “радовались”, а – ни много ни мало – “наслаждались”! (Кстати, воспоминания В. А. Судейкиной свидетельствуют, что поэт побывает у них в гостях не один раз). Именно поэтому, на наш взгляд, монолог “хозяйки” поэт заключил фразой: “<...> и через плечо поглядела”.

Так как в этой встрече участвовали три человека – Вера Судейкина, ее муж (известный художник) и поэт, – то взгляд “хозяйки”, скорее всего, был адресован Сергею Судейкину, которого ей, едва ли не в первую очередь, нужно было убеждать в том, что все у них обстоит хорошо. В своих воспоминаниях Вера Судейкина после встречи запишет: “Я потом говорила Сереже: “Ах, ты, оказывается, не так уж доволен быть только со мной – нам нужны друзья”” [18, 392].

Как известно, в недалеком будущем супругов ждет развод и новый брак у каждого (у нее – четвертый, у него – третий).

С учетом этих обстоятельств, жест “хозяйки” – взгляд через плечо – исследователи чаще всего толкуют как сугубо женский, даже эротический знак. Думается, что мировоззренческий смысл стихотворения подсказывает совсем другую его трактовку. Согласно народным и сакральным приметам, если человек не хочет сглазить то, во что он верит и на что надеется, он должен трижды сплюнуть или бросить три щепотки соли через плечо (левое). Если же он не до конца верит в то, что декларирует, за что борется и чего добивается, ему достаточно оглянуться, чтобы погубить, как сегодня выражаются, свой “проект” (Орфей, оглянувшийся на Эвридику и потерявший возможность вернуть ее из царства Аида) или даже самого себя (жена Лота, оглянувшаяся на родной город Содом и превратившаяся в соляной столб).

Вера Судейкина не посмотрела (на кого-то), а “поглядела”, то есть – бросила взор, обратила его назад, обернулась.

Поглядев через плечо, “хозяйка” (пусть даже бессознательно) обнаружила свое внутреннее сомнение в том, что она так горячо при встрече доказывала поэту. Их “неполитический” разговор, их семейный “рай земной” будут в итоге разорены и сокрушены политикой, которую так старались не замечать искатели “наслаждения”.

Через год – в 1918-м – в Алушту приедет еще один “крымский затворник” – И. С. Шмелев. Через четыре года он будет лицезреть, а еще через два года (уже в эмиграции) в эпосе “Солнце мертвых” описывать трагический финал этого “нескучного” таврического сидения: разграбленные дачи с выбитыми окнами и дверьми; заброшенные и вырубленные сады и виноградники; винные подвалы, заполненные разбитыми бочками, из которых не столько выпили, сколько повыливали прямо на земляные полы вино. И страшные трагические судьбы десятков тысяч из тех, кто не успел или не захотел уехать...

Что же касается “крымских изгнанников”, то в отличие от Одиссея, плавание которого домой займет всего-навсего двадцать лет, они будут ждать возможности даже не вернуться, но хотя бы посетить свою бывшую родину и сорок лет (как Вера Судейкина, которая со своим последним мужем Игорем Стравинским сможет приехать повидать родные им Москву и Ленинград только в 1962 году), и шестьдесят, и восемьдесят.

Большинство из них даже этого часа так и не дождется.

**III. Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, – идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса – не поймешь, не ответишь.**

В период уборки винограда южнобережные города пустели, так как многие были заняты сезонной работой – “службами Бахуса” (подготовка к уборке, сама уборка, охрана урожая, транспортировка винограда, его обработка). Работы было много, потому что города той поры буквально утопали в окрестных садах и виноградниках. По свидетельству той же В. А. Судейкиной, дача у подножия горы Капель, в которой они снимали комнату, была даже не окружена, а

“затворена” “виноградниками” и “полями” [18, 392]. В период голода, естественно, сезонная работа становилась особенно актуальной для местных жителей. В целом, потребность в рабочей силе в летний период была так велика, что работников нанимали даже в нечерноземных губерниях России. Поэтому герою, не занятому на уборке урожая, видны на опустевших улицах города только “сторожа и собаки”.

В стихотворении встречаются и другие реальные приметы алуштинской виноградной страды. О. Э. Мандельштам сравнивает спокойное течение августовских дней с тем, что повседневно вокруг себя наблюдает, – с перекачиванием “тяжелых бочек”, которые готовят для приема вина нового урожая. Поэт в своих отношениях с реальностью снова и снова пунктуально следует в этом стихотворении зафиксированному им зрительному образу.

Охрана виноградников традиционно набиралась из крымских татар. Этой реалией рожден последний в строфе 8-й стих (“Далеко в шалаше...”). “Голоса”, которые слышит герой из далекого шалаша, – это крики крымских татар, которые, вероятно, предлагают ему купить у них виноград или молодое вино, но незнание языка не позволяет ему ни “понять” их, ни “ответить” им.

IV. После чаю мы вышли в огромный коричневый сад, Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.

9-й стих комментируемого нами стихотворения правильно может быть осмыслен лишь в контексте того, что говорится в стихе 16-м. Поэт снова отталкивается в лирическом повествовании от зафиксированного им зрительного образа.

Определение “коричневый сад” вызывает некоторое удивление. Что может быть “коричневым” в южнобережном саду до 11 августа (24 по н. ст.)? Ни цветом плодов (будь то даже груши, которые в августе еще безусловно зеленые, а не желтые или коричневые), ни цветом листвы (которая тоже в это время еще всюду полыхает зеленью), ни цветом стволов (которые у фруктовых деревьев скорее серого с легким коричневатым оттенком цвета) это определение не оправдаешь.

Остается (как и в 16-м стихе) обработанная, взрыхленная почва состоявшегося только наполовину вулкана Кастель, которая своим “ржавым”, коричневым цветом полностью подпадает под описание поэта.

Сады Южного берега той поры состояли из крупных фруктовых деревьев (пальметных садов еще не существовало), высаживавшихся на большом расстоянии друг от друга, чтобы облегчить уборку урожая в летне-осенний период (установка настилов и лестниц). Ветки расходились от стволов на высоте полутора и более метров. Земля была тщательно взрыхлена и обработана, так что на ней не оставалось ни одной травинки. В результате, человеческий взгляд фиксировал бесконечное пространство коричневой почвы, над которой высоко вверх уходили кроны деревьев.

Тот же самый зрительный эффект О. Э. Мандельштам зафиксировал в описании виноградника (см. комментарий VII).

Что же касается опущенных на окнах “темных штор” в 10-м стихе, то это не знак наступающей ночи, как иногда ошибочно пишут комментаторы, а традиционный на юге способ (наряду с другим – толстыми стенами) борьбы с дневным зноем, на который обратил внимание поэт, зафиксировав его. Герои наблюдают, как “сонные горы” обливаются “воздушным стеклом” (12-й стих). Они стали свидетелями характерного для дневного зноя марева, эффект которого создается поднимающимися от земли массами раскаленного воздуха, вызывающими иллюзию “льющихся” по склонам гор “стеклянных” потоков.

Защищая комнаты от зноя, хозяева опускали на это время шторы, стараясь сохранить в доме остатки прохлады. В средиземноморских странах на период сиесты с той же целью окна домов закрывали зарешеченными деревянными ставнями.

**V. Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.**

Атрибутировать дом, в котором жили в Алуште Судейкины, и установить его местоположение до сих пор не удавалось. И именно точный в реальных деталях и подробностях текст стихотворения лег в основу предположения уже упомянутой крымской исследовательницы Л. Н. Поповой, согласно которому Судейкины, скорее всего, снимали комнату в имении С. В. Давыдовой под горой Кастель. Отчасти это подтверждается свидетельством А. А. Ахматовой: “Судейкин и Вера Артуровна [жили] отдельно, недалеко от Алушты” [2, т. 5, 55]. Действительно, имение С. В. Давыдовой располагалось на значительном расстоянии к западу от Профессорского уголка. Вот как о нем пишет “Настольная и дорожная книга”, изданная под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского: “К имению Чернова прилегает купленный у него С. В. Давыдовой участок земли с красивой дачей и садом. Имение славится своими ликерными винами, выдержанными в бочках на солнце, на морском берегу” [15, 774].

Приведенное свидетельство во всех деталях подтверждает то, что описано в стихотворении О. Э. Манделъштама и в воспоминаниях В. А. Судейкиной: вызывающий восхищение красивой архитектуры дом, большой ухоженный сад, обширные виноградники, перекачиваемые по участку бочки для ликерных вин и просторные подвалы для вин сухих, разнообразная работа по подготовке к приему винограда нового урожая, многочисленная охрана с собаками в разбросанных тут и там шалашах.

Дом был разрушен во время крымского землетрясения 1927 года. Фотография разрушенной дачи С. В. Давыдовой приводится в альманахе “Крымский альбом – 2002” [7, 105]. Мы предлагаем ее вниманию читателя:

Видимо, с той поры сохранилась булыжная мостовая, которая вела к дому. Она проходит как раз между двух белых колонн, которые фигурируют и в стихотворении (стих 11-й). Все это позволяет признать версию Л. Н. Поповой достаточно обоснованной.

Если говорить о походе, в который отправились гость и хозяева для того, чтобы “посмотреть виноград” (стих 11-й), то он также зафиксирован в воспоминаниях В. А. Судейкиной: “Мы повели его на виноградники: “Ничего другого не можем Вам показать”” [18, 392]. Приходится еще раз констатировать, что стихотворение О. Э. Мандельштама дотошно передает не только накопленный им в эти дни в Алуште и на даче зрительный материал,

но и фактически оказывается конспектом всех событий этой встречи и – соответственно – тех разговоров, которые участники между собой вели.

Кстати, подчеркнем еще раз, что Судейкины в Алуште снимали не дачу, а только комнату в ней. Собственно, об этом прямо пишет и поэт: “Ну, а в **комнате** белой <...> (выделено нами. – *Авт.*)” (17-й стих). Переехав в Ялту, Вера запишет в своих воспоминаниях: “Как трудно было найти подходящую комнату, все, что находили, было так неуютно, убого, что мы пожалели Алушту, где комната была огромная, с видом на виноградники, а не на задворки с запахом помоев” [18, 393].

**VI. Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке <...>.**

Нашим современникам очень трудно “прочитать” образ, запечатленный поэтом в стихах 13 и 14. Современные виноградники, сформированные длинными регулярными рядами (шпалерами), сложно отождествить с некоей “кудрявой” битвой, которую ведут непонятные “курчавые всадники”. Разве что резной виноградный лист и извилистая лоза, нарушающая строго геометрический порядок посадки, могут вызывать отдаленно подобные ассоциации.

Исследователи уже отмечали, что в русской литературе сравнение виноградника с “кудрявым войском” до нашего поэта было сделано А. Белым при описании Сицилии в его “Путевых заметках” 1911 года, фрагментами публиковавшихся в газетах еще до 1917 года [16, 181]. При этом комментаторами в стороне было оставлено самое главное: О. Э. Мандельштам сделал свое сравнение не потому, что он повторял образное сравнение А. Белого (неизвестно, читал ли он его заметки вообще), а потому, что старые

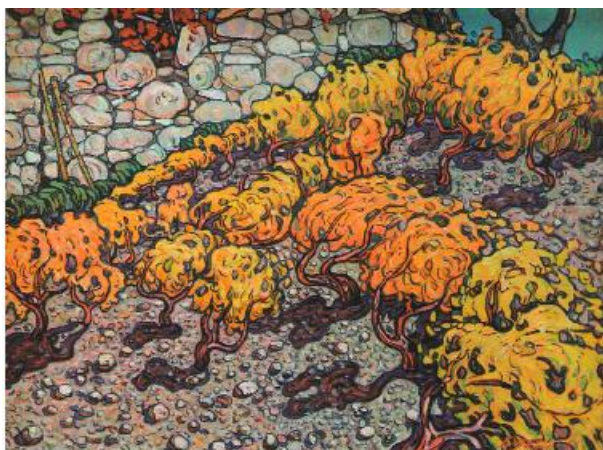
виноградники и на Сицилии, и в Крыму, и в других местах действительно были похожи на битву “курчавых всадников <...> в кудрявом порядке”.

Разгадка этого мандельштамовского образа заключена в том, что вплоть до Великой Отечественной войны в Крыму существовала совсем другая система посадки виноградников, характерная для той эпохи, когда еще не начали прибегать к механизированной и машинной сборке винограда. Ряд стран частично сохранили эту систему посадки лозы до сих пор – Турция, Хорватия, регионы Средней Азии. Каждая лоза высаживалась как отдельное деревце, и не в линию, а в шахматном порядке (чтобы она могла получать больше солнечного света). Не использовались традиционные сегодня столбики и проволока, образовывавшие регулярные шпалеры. В результате, каждая лоза имела свою крону, очень похожую на курчавую человеческую головку, в целом напоминая всадника на своеобразном коньке-горбунке. Объективный характер этого зрительного восприятия подтверждает то, что с интервалом в шесть лет его независимо друг от друга зафиксировали два крупных художника слова – Андрей Белый и Осип Мандельштам.

Если выйти за пределы литературы, то в отечественной очерково-краеведческой традиции зрительный образ “кудрявых” виноградников, которые “буйными толпами растут и теснятся кругом” [11, 144] был зафиксирован еще в XIX веке в блистательных “Очерках Крыма” Е. Л. Маркова¹ (первое издание – 1873 г., четвертое – 1902 г.), которые надолго пережили свое время. Нет сомнения, что этот пример далеко не единственный.

Система посадки виноградной лозы как отдельного деревца имеет очень давнюю историю. В Ветхом завете в книге пророка Михея признаком счастья и благополучия считается возможность для каждого человека “сидеть под своею виноградною лозою и своею смоковницею” [Мих., 19, 4].

Для современного читателя в качестве иллюстрации мы приводим черно-белую копию картины крымского художника С. Г. Мамчича “Старый виноградник” (1966 г.).

**VII. <...> В каменистой Тавриде наука Эллады – и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.**

¹ Это наблюдение нам подсказано профессором ТНУ имени В. И. Вернадского Т. А. Яценко.

С одной стороны, поэт в 16-м стихе точно зафиксировал “ржавый” цвет почв Южного берега Крыма, образованных из уплотненных глин и мелкозернистых песчаников (сланцевые песчаники, шиферные почвы). Иначе их еще в геологии называют “коричневые почвы южного берега”.

С другой стороны, перед нами еще один пример поэтической вольности в описании южного бережной реалии. Как человек средневропейской культуры О. Э. Мандельштам называет привычным огородническим словом “грядки” обработанную землю (вскопанную, прополотую, “прошитую” специальными канавками для воды) вокруг виноградных лоз.

Существует и другое толкование этой строки. Крымские краеведы (Л. Н. Попова, Р. Г. Невердова и др.) связывают этот поэтический образ с особенностью традиционного для окрестностей горы Кастель винограда “Мускат белый” приобретать благородный коричневый цвет, “загорать” или “ржаветь” под солнцем. Сравнительно невысокие кусты виноградной лозы (в аграрной традиции XIX – первой половины XX веков), могли спровоцировать, по их мнению, появление образа “ржавых грядок”.

Однако такой трактовке противоречит 9-й стих, приведенный в комментарии **IV**, в котором сад также назван “коричневым”. Кроме того, полное созревание винограда начинается с конца августа. Поэтому опять мы можем констатировать совершенную точность поэтической передачи реального зрительного образа – “коричневых почв” садов и виноградников крымского южного берега.

В стихе 15-м поэт касается полемической в это время темы: от кого наследована культура виноделия? Одни утверждали, что основоположниками этого искусства были скифы, другие – греки. Вся эта полемика велась в рамках общей модной теории “скифско-азиатских” корней России и русской культуры, которой отдали дань в своем творчестве А. А. Блок, В. В. Хлебников и другие.

О. Э. Мандельштам и его хозяева, как следует из текста стихотворения, коснулись в разговоре этой темы и заявили себя сторонниками эллинистической концепции.

Поэт всегда был сторонником первенства “эллинского” начала над “скифским”, “азиатским”. Это подтверждается свидетельством Н. Я. Мандельштам: “Его тянуло только в Крым и на Кавказ. Древние связи Крыма и Закавказья <...> с Грецией и Римом казались ему залогом общности с мировой, вернее, европейской культурой. <...> Сам О. М., чуждый мусульманскому миру <...>, искал лишь эллинской и христианской преемственности” [9, 240].

Действительно, комментируемое нами стихотворение, последовательно пронизано исключительно эллинским началом: службы Бахуса, наука Эллады, греческий дом, золотое руно и Одиссей. Крымско-татарские приметы новой Тавриды в нем полностью проигнорированы.

**VIII. Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.**

Что касается 18-го стиха, то неподалеку от разрушенного во время землетрясения дома С. В. Давыдовой сохранился до наших дней винный подвал. Наличие такого подвала было традиционным для южнобережных домов той поры. Мало того, зачастую подвалы для вина устраивали и в самих домах. Судя по стихам, таковой был и в разрушенном доме. Хозяйева готовили его к приему вина нового урожая, поэтому в комнате пахнет не только использованной во время ремонта “краской”, но также и “свежим вином”.

Поэт упоминает в 18-м стихе об уксусе. Вот его-то как раз категорически быть не могло. Он главный враг вина. Крымские виноделы, с которыми мы консультировались, полагают, что О. Э. Мандельштам спутал с уксусом специфический запах, образующийся при промывке винных бочек горячей водой.

Указанное устройство домов на Южном берегу Крыма было продолжением античной традиции домостроения, которую и сегодня можно наблюдать в Греции. Именно поэтому в 19-м стихе ассоциативно появляется упоминание “греческого дома” и живущей в нем “любимой всеми жены” – Пенелопы, отбивающейся от восплававших к ней страстью многочисленных женихов.

Упоминание в стихе 17-м “прялки” мы попробуем объяснить в комментарии IX.

**IX. Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, –
Не Елена – другая, – как долго она вышивала?**

“Ошибка” поэта, о природе которой так много спорили комментаторы (“другая” жена – Пенелопа – не вышивала, а ткала), на наш взгляд, опять же основана на реалии быта дома Судейкиных, которую наблюдал гость: хозяйка дома, по ее свидетельству, именно в это время занималась вышивкой на полотне сюжета о Коломбине и Пьеро [19, 39]. Кстати, в крымском дневнике В. А. Судейкиной не раз упоминаются ее занятия вышивкой [18, 44].

Можно предположить, что ее напольный станок для вышивки О. Э. Мандельштам и называет, не очень в этом домашнем ремесле разбираясь, – “прялкой”. Маловероятно, что Вера Судейкина сама пряла нити для своего вышивания.

Станок-“прялка”, на время оставленный “хозяйкой”, не работает, пребывая в недвижимом молчании, а потому становится символом “тишины”. Мало того, “тишина” в комнате не висит, не царит, не пребывает, а, – как и прялка, – “стоит”.

Несомненно, гость и хозяйева говорили во время встречи о той работе, которую задумала и исполняла Вера Судейкина. Именно этот реальный факт того августовского вечера 1917 года, вероятно, побудил поэта, нарушая правду мифологического предания, назвать Пенелопу в 20-м стихе вышивальщицей.

Основание для этой параллели опять подсказывает текст. “Хозяйка” хороша собой, она верная и заботливая жена, любима мужем и вызывает восхищение у окружающих. Она занята вышивкой большого полотна, которое

отнимает у нее много времени. Работа будет долгой. Именно эти факторы – “любима всеми” и обречена на “долгую” работу – создадут параллель с Пенелопой, в рамках которой одно рукоделие (вышивание) вытеснит другое (ткачество).

Х. Золотое руно, где же ты, золотое руно?

Много копий в литературной науке сломано вокруг того, почему О. Э. Мандельштам вспоминает о Золотом руно в одном контексте с плаванием Одиссея. Как известно, это греческие мифы разных эпох [12, 52].

Проделанный нами анализ позволяет предложить совершенно новое объяснение этого странного, на первый взгляд, факта.

Мы уже говорили о том, что анализируемое стихотворение является систематическим сводом не только зрительных образов, накопившихся у поэта за время пребывания в Алуште, но также своеобразным конспектом событий и тем разговоров той встречи, которая состоялась на даче, где снимали комнату Судейкины. Написав стихотворение, поэт дарит его автограф своим радушным хозяевам с полным их именованьем и точным указанием даты и места создания. Он вручил им автограф не только как знак благодарности за проведенный вместе вечер, но и как своеобразный (полностью понятный только им) отчет или памятную запись того, что они вместе делали и о чем они говорили. В числе тем разговора, как мы уже выяснили, были мечты о скорейшем возвращении домой, о литературе и искусстве, об истории и современном дне Тавриды, о смысле скитаний Одиссея, о верности и домашнем тепле.

Нет сомнения, что в кругу тем долгого разговора была и тема “золотого руна”, которую включает в свой конспективный отчет поэт. Эта тема по-особенному была близка Сергею Судейкину. Знакомство с А. Н. Бенуа приведет художника в круг “мирискусников”, сотрудничая с которыми он, в частности, 1908 году станет одним из оформителей журнала “Золотое руно”. Позднее, в 1919 году, в Тифлисе С. Ю. Судейкин будет оформлять литературное кафе “Ладья аргонавтов”. Как известно, аргонавтами называли себя и русские символисты.

Словом, нет никаких оснований сомневаться в том, что тему “золотого руна” обсуждали достаточно подробно, как и проблему странствия Одиссея.

При таком подходе к стихотворению (оно является своеобразным конспектом-темником разговоров, которые вели участники встречи), мы должны по-новому проанализировать его содержательную сторону, осознавая, что логика образного ряда отражает не мифологические параллели сами по себе, а современную, актуальную для человека 1917 года полемику о судьбе человека и России.

Именно в этом контексте собеседники революционной поры причудливо связывали воедино и “золотое руно”, и “пространство” и “время” Одиссея, и “греческий дом” Пенелопы, и судьбу “науки Эллады” в Тавриде, и “Бахуса службы” и, наконец, мучавшую их всех в августе 1917 года пророческую тоску предощущения чего-то страшного, ожидающего всех впереди.

**XI. Всю дорогу шумели морские тяжелые волны,
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.**

Хочется надеяться, что данное исследование, предлагающее новое объяснение причин появления в одном контексте “золотого руна” и Одиссея, лишит актуальности разного рода искусственные, на наш взгляд, построения, среди которых особо выделяется предположение, высказанное еще в 1995 году Т. Смоляровой, о том, что 24-й стих комментируемого стихотворения является реминисценцией третьей строки XXXI сонета И. Дю Белле из цикла “Сожаления” (1558) [17, 305]. Это предположение получило довольно широкое распространение и вошло во многие комментарии к алуштинскому стихотворению О. Э. Мандельштама.

Настойчиво пытаюсь преодолеть совершенно очевидное различие стихов двух выдающихся поэтов (достаточно сказать, что у Дю Белле Улисс (!!)) привозит домой из плавания “опыт” и “мужество”, а Одиссей у О. Э. Мандельштама – “пространство” и “время”), исследователь многословно снова и снова доказывает сходство совершенно несходного.

Мы полагаем, что никакой реминисценции из Дю Белле (которого, как известно, наш поэт ни разу в своем творческом наследии даже не упоминает) в 24-м стихе нет. Эта удивительная по образной силе строка – является созданием таланта О. Э. Мандельштама и той великой и трагической эпохи Революции и Гражданской войны, которую его поколению выпало пережить.

Литература

1. Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама / С. С. Аверинцев // Мандельштам О. Э. Сочинения : [в 2-х т.]. – Москва : Художественная литература, 1990. – Т. 1. – С. 5–64.
2. Ахматова А. А. Собрание сочинений : [в 6-ти т.] / А. А. Ахматова ; [сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Королевой]. – Москва : Эллис Лак, 1998–2002. – Т. 7 (дополнительный). – 2004.
3. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета : юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. – Москва : Изд-во Московской Патриархии, 1988. – 1372 с.
4. Гомер. Одиссея / Гомер ; [пер. с древнегр. В. А. Жуковского ; предисл. А. Нейхардт]. – Москва : Правда, 1984. – 270 с.
5. Иванчук В. Н. Ваше здоровье! : энциклопедия напитков / В. Н. Иванчук. – Киев : Орион, 1994. – 364 с.
6. Капитоненко А. Сергей Судейкин: из Крыма в эмиграцию / А. Капитоненко // Литературный Крым. – Симферополь. – 2002. – Май. – № 17–18. – С. 11.
7. Крымский альбом 2002 : [истор.-краевед. и литерат.-худож. альманах] / [сост. Д. А. Лосев]. – Феодосия ; Москва : ИД Коктебель, 2003. – 224 с.
8. Лекманов О. А. Осип Мандельштам / О. А. Лекманов. – Москва : Молодая гвардия, 2004. – 255 с.
9. Мандельштам Н. Я. Воспоминания / Н. Я. Мандельштам. – Москва : Книга, 1989. – 205 с.
10. Мандельштам О. Э. Сочинения : [в 2-х т.] / О. Э. Мандельштам. – Москва : Худ. литература, 1990. – Т. 1. / [сост. П. М. Нерлера, подгот. текста и коммент. А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера ; вступ. ст. С. С. Аверинцева]. – 638 с.

11. Марков Е. Л. Очерки Крыма : картины крымской жизни, истории и природы / Е. Л. Марков. – Киев : ИД “Стилос”, 2009. – 658 с.
12. Мифы Древней Греции / [сост. И. С. Яворская]. – Ленинград : Лениздат, 1990. – 365 с.
13. Попова Л. Н. Старый альбом : [в 2-х ч.] / Л. Н. Попова. – Алушта : Городская типография, 2009. – Ч. 2. – 144 с.
14. Попова Л. Н. Старый альбом : [в 2-х ч.] / Л. Н. Попова. – Симферополь : Таврия, 2002. – Ч. 1. – 147 с.
15. Россия : полное географическое описание нашего Отечества : настольная и дорожная книга / [под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского]. – СПб. : Издание А. Ф. Девриена, 1910. – Т. XIV : Новороссия и Крым. – 983 с.
16. Силард Л. Таврида Мандельштама / Л. Силард // Крымский текст в русской культуре : [материалы международной научной конференции (СПб., 2006 год, 4–6 сентября)]. – СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2008.
17. Смолярова Т. “... Plein d’usageet de raison” : заметка об одном французском подтексте Мандельштама / Т. Смолярова // Cahiers du monde russe : Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. – 1996. – Vol. 37. – № 37–3. – P. 305–315.
18. Судейкина В. А. Дневник : 1917–1919 : (Петроград–Крым–Тифлис) / В. А. Судейкина. – Москва : Русский путь ; Книжница, 2006. – 672 с.
19. The salon album of Vera Sudeikin-Stravinsky / [ed. and transl. by J. E. Bowlit]. – New Jersey : Princeton university Press, 1995.

Аннотация

В статье проанализировано стихотворение О. Э. Мандельштама “Золотистого меда струя из бутылки текла...”. Сплетая в цепочке ассоциаций сегодняшнее и давно минувшее, скоротечное и непреходящее, обиходное и легендарно-мифологическое, Мандельштам запечатлевает в своем произведении глубокое чувство драгоценности жизни.

Ключевые слова: реальный анализ, Крым, Одиссей, О. Э. Мандельштам.

Анотація

У статті проаналізовано вірш О. Е. Мандельштама “Золотистого меду течія з пляшки текла...”. Переплітаючи в ланчок асоціацій сьгоднішнє і давно минуле, швидкоплинне і неминує, повсякденне і легендарно-міфологічне, Мандельштам відображає в своєму творі глибоке почуття коштовності життя.

Ключові слова: реальний аналіз, Крим, Одиссей, О. Е. Мандельштам.

Summary

The article analyzes the poem of O. E. Mandelshtam “Golden honey stream flowing out of the bottle...”. Weaving chain associations today and gone, fleeting and enduring, everyday and the legendary mythological Mandelstam captures in his work a deep sense of life jewelry.

Keywords: real analysis, Crimea, Odyssey, O. E. Mandelshtam.